This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

BL
935
P418

IVANOV
KULBT PERUNA

STANFORD
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

FUMIGATED

Г. Ивановъ.

КУЛЬТЪ ПЕРУНА

У ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I—V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1904.

Г. Ивановъ.

Иванов, I,

КУЛЬТЪ ПЕРУНА

У ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I—V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1904.

BL 935
P4 I9

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1904 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VIII (1904 г.), кн. 4-ой, стран. 140—174.

Культъ Перуна у южныхъ славянъ.

I.

Вопросъ о Перунѣ въ славянской миѳологіи.

Ходъ славянской миѳологіи очень интересенъ: чѣмъ легче обогащалась ея область, тѣмъ скорѣе и съуживались границы этой области, пока наконецъ отъ нея не осталось чуль ли не нѣсколько невыясненныхъ именъ. Въ 18-мъ и въ началѣ 19-го вѣка, съ открытіемъ группы памятниковъ западно-славянской старины, съ публикованіемъ многихъ литературныхъ произведеній древне-русской старины, съ изслѣдованіемъ простонароднаго быта славянъ, при томъ обаяніи разукрашеннаго прошлаго національности, каковымъ его представляла наступившая уже романтическая эпоха, — естественнымъ становится желаніе заглянуть въ затаенные уголки быта славянъ съ цѣлью открыть какихъ-либо свѣдѣній о старинной религіи славянъ. Да при томъ существовала еще другая приманка объ этомъ: греческая и римская миѳологіи, прелестный ореолъ классическаго прошлаго, соблазняли, возбуждали патріотизмъ славянина, заставляли его тоже создать у себя дома свой Олимпъ съ своими богами и богинями.

Первоначальные опыты къ очертанію славянской миѳологіи далеко не имѣли научнаго характера. *Михаилъ Поповъ* высказался о своемъ «Краткомъ описаніи славянскаго баснословія»,

1768, что это сочиненіе «сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для важныхъ историческихъ справокъ» [1]), а *Григорій Глинка* самъ признавалъ, что только отъ себя дѣлалъ прибавленія въ своемъ сочиненіи «Древняя религія славянъ», Митава, 1804 [2]). Сочиненіе *Кайсарова* «Versuch einer slavischen Mythologie in alphabetischen Ordnung, Göttingen, 1803» какъ ни хорошо было встрѣчено его современниками [3]), однако въ немъ все-таки видны ошибки тогдашней исторической безкритичности и плохое изслѣдованіе памятниковъ; тѣ же самые недостатки замѣтны до сихъ поръ у всѣхъ авторовъ, писавшихъ о славянской миѳологіи подъ вліяніемъ миѳологической школы Гримма [4]).

---

1) А. Н. Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, I, Спб., 1890, стр. 73. Все-таки миѳологія Попова цѣликомъ вошла въ сочиненіе Леклерка «Histoire de la Russie» (Срв. Сборникъ Импер. Акад. Н., LXV, въ статьѣ о Кайсаровѣ, стр. 16), а оттуда — въ «Dictionnaire de la fable par Fr. Noel, 2-e éd. Paris 1803». (Срв. Préface, p. XXIV—XXV).

2) А. Н. Пыпинъ, тамъ же, стр. 73.

3) Сборникъ Импер. Ак. Наукъ, LXV, въ статьѣ о Кайсаровѣ.

4) Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, I, Славяно-русская миѳологія, Москва, 1836; Касторскій, Начертаніе славянской миѳологіи, 1841; Hanusch, Die Wissenschaft des slawischen Mythus, Wien, 1842; Срезневскій, Святилища и обряды языческихъ славянъ, Харьковъ, 1846; Костомаровъ, Славянская миѳологія, 1847; Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, Москва, 1866—69; Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, Москва, 1868; Szulc, Mythologija Sławiańska, Poznań 1880; Świerzbińsky, Wiara Słowian, Warszawa, 1884; Фаминцынъ, Божества древнихъ славянъ, Спб., 1884; Nodilo, Religija Srba i Hrvata въ Rad-ѣ, кн. 77, 79, 81, 84, 85, 89, 94, 99 и 101; Соколовъ, Старо-русскіе солнечные боги и богини, Симбирскъ, 1887; Сырцовъ, Міровоззрѣніе нашихъ предковъ русскихъ, вып. I, Миѳологія. Кострома, 1897; Leger въ первомъ своемъ миѳологическомъ очеркѣ въ «Cyrille et Méthode». Paris, 1868, писалъ въ этомъ направленіи, но позже въ другомъ своемъ сочиненіи «Esquisse sommaire de la Mythologie slave». Paris, 1882, и въ «La Mythologie slave». Paris, 1901, сталъ на болѣе критическую точку зрѣнія; Gržetić, O vjeri starih slovjena, Mostar, 1900, и др. У болгаръ общіе баснословные очерки въ духѣ миѳологической школы писали Раковскій и Якимъ Груевъ, первый въ своемъ «Горскій Пѫтникъ», Новый Садъ, 1857, стр. 167, и послѣдній въ переведенной на болгарскій языкъ А. Г. Начевымъ, Миѳологія Жерузеза, 1873, стр. 152 — 159. Недавно Ю. П. Георгіевъ принялъ тотъ же самый взглядъ въ своемъ сочиненіи «Старитѣ и днешнитѣ вѣрвания на българитѣ». Търново, 1900.

Г. Ивановъ.

КУЛЬТЪ ПЕРУНА

У ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I—V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1904.

ство болѣе или менѣе значительныхъ трудовъ, посвященныхъ славянской миѳологіи, можно безъ преувеличенія сказать, что такой науки до сихъ поръ не существуетъ»[1]), или что г. Ягичъ, по случаю появленія славянской миѳологіи Máхала, воскликнулъ: «eine slavische Mythologie!»[2]).

Возникнувшее такимъ образомъ у нѣкоторыхъ миѳологовъ сомнѣніе поколебало отчасти и достовѣрность единственнаго да при томъ самого неоспоримаго славянскаго божества — Перуна, о которомъ существуетъ болѣе всего документовъ. Гриммъ первый указалъ на то, что славянское Перунъ вѣроятно происходитъ отъ готскаго слова *fairguni*, гора[3]). Въ Эддѣ мать Тора очень часто называется *Fiörgyn* — имя, которымъ именуется и сынъ ея, громовникъ Торъ. Шеппингъ во второй разъ уже берется представить Перуна неславянскимъ божествомъ, перешедшимъ до славянъ черезъ литовцевъ и латышей[4]). Въ послѣднее время Рожнецкій въ своей статьѣ о Перунѣ и Торѣ[5]) высказалъ мнѣніе о вліяніи культа норвежскаго Тора на культъ Перуна у русскихъ, не отрицая славянское происхожденіе Перуна. Подобное мнѣніе было высказано гораздо ранѣе Погодинымъ. Французскій славистъ Леже не отрицаетъ Перуна у русскихъ, однако все-таки сомнѣвается о его существованіи у западныхъ и южныхъ славянъ[6]). Ему, а равно и никому изъ современныхъ миѳологовъ, неизвѣстенъ какой-либо историческій южно-славянскій текстъ, въ которомъ бы встрѣчалось имя Перуна. Сомнѣніе Леже подкрѣплено было однимъ письмомъ профессора Шишманова, который заявилъ, что нигдѣ въ болгарскомъ фольклорѣ не встрѣчалось ему имя Перуна[7]).

---

1) Журн. М. Н. Пр., ч. 230, стр. 145.

2) Archiv für slav. Phil. XIV, стр. 633.

3) J. Grimm, Deutsche Mythologie, I[4], стр. 143.

4) Д. Шеппингъ, Миѳы слав. язычества, М. 1849, стр. 116, 117; Фил. Зап. 1888, кн. VI, стр. 6.

5) St. Rożniecki, Perun und Thor, ein Beitrag zur Quellen-kritik der russischen Mythologie. Archiv f. sl. Ph. XXIII, стр. 462—520.

6) L. Leger, La Mythologie slave. Paris, 1901, стр. 54, 59, 63.

7) Тамъ же, стр. 59.

При этихъ сомнѣніяхъ съ одной стороны, успѣвшихъ уже отразиться и въ популярныхъ сочиненіяхъ по славянской миѳологіи[1]), при упорныхъ утвержденіяхъ[2]), съ другой стороны, о существованіи общеславянскаго культа Перуна, вопросъ о Перунѣ пока остается еще открытымъ. Мы не будемъ заниматься этимъ вопросомъ въ его общеславянской цѣльности, а лишь только разсмотримъ культъ Перуна у южныхъ славянъ, откуда и постараемся вывести неизвѣстныя до сихъ поръ показанія.

II.

Этимологія имени Перунъ.

О происхожденіи и о этимологическомъ образованіи слова Перунъ мнѣнія ученыхъ еще не сходятся. Нѣкоторые находятъ въ немъ индо-европейскій корень *park*, *spark*[3]); другіе предполагаютъ, что это старо-германская форма **Perkûnos*, **Ferxûnaz*, **Ferkūnaz* съ значеніемъ высокій[4]); третьи сближаютъ его съ ведическимъ *Pardjanya*, съ скандинавскимъ *Fiörgyn*, съ латинскимъ *quercus*, съ старонѣмецкимъ *forha*, съ литовскимъ *Perkúnas*[5]). Кажется, что въ данномъ случаѣ очень многое принесетъ намъ кельтское названіе теперешней германской Черной-Горѣ съ восточными ея хребтами. Эти горы у Аристотеля извѣстны подъ именемъ Ἀρκύνια ὄρη[6]), у Аполлонія Родосскаго Σκόπελος Ἐρκύνιος[7]), у Цезаря Sylva Hercynia[8]). Такимъ обра-

1) A. Lefèvre, Germains et slaves, origines et croyances. Paris, 1903, стр. 220.

2) Какъ напримѣръ Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, 2-e Aufl. Graz, 1887, стр. 383 и слѣд.

3) A. Fick, Vergl. Wört. der Indogerm. Sprachen. I³ Göttingen, 1874, стр. 143.

4), 5) O. Schrader, Reallexicon der Indogerm. Altertumskunde. Strassburg, 1901, стр. 295.

6) Τῶν δ' ἄλλων ποταμῶν οἱ πλεῖστοι πρὸς ἄρκτον ἐκ τῶν ὀρων τῶν Ἀρκυνίων. ταῦτα δὲ καὶ πλήθει μέγιστα περὶ τὸν τόπον τοῦτόν ἐστιν (Aristotelis, Meteorolog. lib. I, 13, 20).

7) A. Lefèvre, Les Gaulois. Paris, 1900, стр. 15.

8) De bello Gallico, VI, 25.

зомъ выходитъ, что кельты называли ее *Аркуніей*, *Еркуніей* что и соотвѣтствуетъ слову *Паркунія* или *Перкунія*, такъ какъ одна изъ главнѣйшихъ особенностей кельтскаго языка это выбрасываніе иниціальнаго индо-европейскаго П [1]). Позже, въ IX в. нашей эры, поселившіеся тамъ германцы, по свойствамъ своего языка, замѣняя индо-европейское П—Ф, произносили имя этой горы *Fergunna* [2]). Слѣдовательно, отсюда становится очевиднымъ, что это *Fergunna*, какъ и норвежское Fiörgyn, ведутъ свое начало отъ другого болѣе стараго общаго слова, начинающагося на П, каковымъ въ дѣйствительности это слово встрѣчается у славяно-литовцевъ и въ языкѣ Ригъ-Веды, или такъ сказать славяно-литовское слово на П какъ и кельтское съ отпавшимъ П старѣе, и при томъ индо-европейское, а германское слово на F выходитъ новѣе, позднѣе по своему образованію.

Корень **пер** въ смыслѣ *ударъ* очень распространенъ, и при томъ съ опредѣленнымъ значеніемъ въ старомъ и во всѣхъ новыхъ славянскихъ языкахъ, а такимъ же точно является дѣятельный суффиксъ *-унъ*, такъ что никакимъ образомъ нельзя и говорить въ данномъ случаѣ о какомъ бы то ни было вліяніи литовскаго языка, напримѣръ, на южно-славянскіе. Старо-болгарское **перж**—наношу удары, колочу, порю, твердится и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Очень интересно употребленіе глагола *перă*, *перем* въ ново-болгарскихъ нарѣчіяхъ съ значеніемъ *сильно бью*, *наношу удары*. Крестьянинъ, погоняя своихъ воловъ, чтобы шибче двигались, обращается къ нимъ съ словами: «йскаш да те *пѐрем*, та не врвиш!» «Дъждѐт *перѐ* ли *перѐ*», говорятъ повсюду въ Болгаріи во время ливня. «*Напрà'а* го ỳбаво», говорятъ о сильно битомъ человѣкѣ. «Ако те *пѐрнем* еднàш», такъ обращаются иногда къ провинившимся. Такимъ же точно является и дѣятельный суффиксъ—*унъ*, входящій въ составъ слова Перунъ. У русскихъ, напримѣръ, очень обыкновенны слѣдующія образованія:

---

1) Сообразно съ этимъ, напр. Pater у кельтовъ выговаривалось Athir, porcus — orc и проч. Срв. Brugmann, Grundriss I. Strassburg, 1886, стр. 271.

2) A. Lefèvre, Les Gaulois, стр. 16.

бѣгунъ, *прыгунъ*, *скакунъ*, *топтунъ* (тяжело ходящій) [1]), *кликунъ*, *пискунъ*, *ползунъ*, *плакунъ* [2]) и т. п. Забѣлинъ указываетъ и на имя *Ярунъ* [3]). Въ Владимірской губерніи существуетъ повѣріе о *летунѣ* — существо, являющееся вдовамъ въ образѣ ихъ умершихъ мужей [4]). У чеховъ существуетъ *běhoun*, *křikloun* и т. п. Южно-славянскія нарѣчія особенно изобильны образованіями на *-унъ*, при томъ не только въ нарицательныхъ, но и въ собственныхъ именахъ.

Что старымъ югославянамъ не были чужды имена на *-унъ*, это видно изъ того, что еще въ VI в. славянинъ *Сварунъ* (Σουαρούνας, σκλάβος ἀνήρ) былъ воеводой у Юстиніяна и отличился въ персидской войнѣ въ 555 г. [5]). Если допустить, что и въ задунайскомъ старо-болгарскомъ княжествѣ была и славянская примѣсь, тогда имя Куртова наслѣдника—*Гостунъ* [6]), съ начала VII в., точно также обращаетъ на себя вниманіе какъ славянское, тѣмъ болѣе, что и теперь существуетъ чисто-болгарское (славянское) село *Гостунъ* въ окрестностяхъ Неврокопа [7]). Въ VIII в. встрѣчается личное имя *Славунъ* (Σκλαβοῦνος), князь славянскаго племени *сѣвери* [8]),—имя одного изъ семи племенъ, подчиненныхъ Аспарухомъ,—плѣненный тайными агентами Копронима и послѣ, вѣроятно, погибшій отъ смертной казни [9]). Въ XIV в. упоминается о городѣ *Добрунѣ* въ Македоніи, взятомъ Стефаномъ Дечанскимъ послѣ Вельбуждскаго пораженія [10]). Въ южно-

---

1) Р. Ф. В., 1903, кн. 1 и 2, стр. 44.

2) Ив. Забѣлинъ, Исторія русской жизни. Москва, 1879, II, стр. 276.

3) Тамъ же, стр. 323.

4) Живая Старина, 1901, III—IV, стр. 136.

5) Иречекъ, Исторія Болгаръ, Одесса, 1878, стр. 100.

6) В. Н. Златарски, Студии по българската история. София, 1903, стр. 20.

7) В. Кжнчовъ, Македония, София, 1900, стр. 195.

8) Новое чтеніе текста: Ἀποστείλας δὲ ὁ βασιλεὺς λάθρα εἰς Βουλγαρίαν ἐπίασε τὸν Σεβέρων ἄρχοντα Σκλαβοῦνον, τὸν πολλὰ κακὰ ἐν τῇ Θρᾴκῃ ποιήσαντα. Theophanis Chronographia. Ed. C. de Boor, Lipsiae, 1883, I, стр. 436.

9) В. Н. Златарски, тамъ же, стр. 23.

10) Данило, Животи краљева и арх. српских. Изд. Ђ. Даничић. Загреб, 1866, стр. 197.

славянскихъ памятникахъ XV—XVII в., изданныхъ въ «Гласникѣ» 42, встрѣчаются имена, образованныя суффиксомъ *-унъ*. Примѣромъ могутъ послужить слѣдующія изъ нихъ: *Перуника*, *Бѣгуна*, *Добрунь*, *Милунь*, *Милуна*, *Радунь*, *Радуня*, *Тихунь* и др. Современныя южно-славянскія нарѣчія точно также обильны подобными примѣрами: *благуна іабълка* въ Дибрѣ, *Бѣгуновци* — село въ Трнскомъ уѣздѣ, *Бѣгунци* — село на болгарской Моравѣ, *Медунъ* — село вблизи Подгорицы, *кăлвȕн* — (клювъ) въ окрестностяхъ Сыстова, *медȕнъ* — самецъ медвѣдь въ окрестностяхъ Тетевена, въ Габровѣ, *пискȕнъ*, *горȕнъ* (quercus pedunculata) въ Еленѣ, *сладȕнъ* (quercus conferata) въ Еленѣ, *благȕнъ* (quercus conferata) въ окрестностяхъ Лома, и т. д.; имена лицъ у болгаръ: *Петруна*, *Радуна*, *Галуна*, *Перунъ*, *Парунъ*, *Перуна*, *Спасуна* и т. д. Маретичъ вычисляетъ около 40 личныхъ именъ на *-унъ* у сербо-хорватовъ [1]).

Слѣдовательно, обширное употребленіе составныхъ частей имени Перуна какъ и самаго этого имени у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, особенно же у южныхъ славянъ, гдѣ вліяніе литовцевъ и норвежцевъ, послѣ разселенія славянъ, стало невозможнымъ, свидѣтельствуетъ о *существованіи этой самой формы Перунъ въ общеславянской эпохѣ*. О происхожденіи и формѣ этого имени раньше той эпохи можно только предполагать. Связь имени Перуна съ однимъ предполагаемымъ индоевропейскимъ **parg*, съ ведическимъ Pardjanya, съ кельтскимъ (P)erkunia, съ норвежскимъ Fiörgyn, съ литовскимъ Perkunas (Parkones) [2]) очень вѣроятна. Предполагаемое *Parg-un-ia въ нѣкоторыхъ языкахъ было сохранено съ кореннымъ гортаннымъ звукомъ, а въ славянскомъ имя это отодвинулось въ другомъ направленіи съ очень употребляемымъ корнемъ *пер* безъ гортаннаго звука. И польское слово *Piorun* указываетъ на то, что имя

---

1) Maretić, Narodna imena i prezimena u Hrvata i Srba (Rad, 82, стр. 128—9).

2) Veckenstedt, Die Mythen, Sagen und Legenden der Žamaiten (Litauer), II. Heidelberg, 1883, стр. 255, указываетъ на форму Parkenas какъ на болѣе старую, чѣмъ Perkunas. Срв. A. Brückner въ Archiv f. sl. Ph. IX, стр. 21.

это развилось на чисто мѣстной славянской почвѣ, гдѣ *е* перешло въ *іо*, какъ это и въ глаголѣ **перж**—*piorę*, **берж**—*biorę*. Чужія слова, остающіяся безъ значенія для заимствовавшихъ, звучатъ какъ и въ чужомъ языкѣ. Еслибы у славянина поляка не существовало слово Перунъ и еслибъ онъ занималъ непонятное ему литовское слово, онъ бы произносилъ это слово *Перкуномъ*, а не *Піоруномъ*.

Ясная славянская этимологія слова Перунъ уже указываетъ намъ, каковымъ былъ главный миѳическій аттрибутъ этого славянскаго божества, или, лучше сказать, которое изъ природныхъ явленій именуется этимъ словомъ. Переводъ же этого имени другимъ, болѣе яснымъ южно-славянскимъ словомъ, будетъ *бичъ*, *удрячъ*, *грѣмовникъ*. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было историческихъ текстовъ, которыми было бы указано на другой аттрибутъ Перуна, мы не въ состояніи съ достовѣрностью сказать, что древне-славянскій Перунъ былъ, напримѣръ, кромѣ громовника, и дождевникомъ. Дѣйствительно, южно-славянскій фольклоръ отдаетъ эти два аттрибута св. Ильѣ, замѣнившему позже Перуна, однако съ полнымъ правомъ можно утверждать, что они ничто иное, какъ новѣйшее наслоеніе. Впрочемъ соименникъ Перуна, Pardjanya, въ Ригъ-Ведѣ даритъ благодѣтельными дождями, спасительныя воды орошаютъ увядшія растенія. Самъ Pardjanya олицетворяетъ тучи. Теленокъ его—дождь, а ревъ—громъ [1]).

III.

Историческія, географическія, фольклорныя и др. свидѣтельства.

Прежде всего вспомнимъ бѣгло о главнѣйшихъ свидѣтельствахъ о Перунѣ у русскихъ и западныхъ славянъ. Прямымъ доказательствомъ боготворенія Перуна на Руси во время язычества

---

1) Rig-Veda, V; 7, 1—2.

служитъ лѣтопись Нестора, въ договорахъ между русскими и Византіей въ 907, 945, 971 годахъ; Новгородская лѣтопись, Галицкій текстъ съ 1302 г. [1]). Въ чехо-словацкой старинѣ до сихъ поръ не открытъ еще какой-либо текстъ съ именемъ Перуна. Нѣкоторые миѳологи довольствуются только указаніемъ на двѣ словацкія пѣсни, записанныя восторженнымъ славянофиломъ Коларомъ [2]). Въ этихъ пѣсняхъ упоминается о *Buoh*-ѣ *Parom*-ѣ. Въ словарѣ словацкаго языка встрѣчается между прочимъ и глаголъ *peruntati*, трещать, съ прилагательнымъ *perunský*, а также есть и нѣсколько заклинаній съ именемъ *Parom*, *Peron* (Parom do tebe, Peronova strela t'a zabila) [3]). Польскимъ королемъ Владиміромъ запрещенъ былъ народный обычай поддерживать вѣчный огонь Перуна (Pioruna) [4]), имя котораго и теперь у поляковъ пользуется столь обширнымъ употребленіемъ въ смыслѣ *грома*. Опять попадаются здѣсь мѣстныя имена, посвященныя Перуну [5]). Что и прибалтійскіе славяне именовали бога-громника тѣмъ-же самымъ именемъ, видно изъ названій *perendan*, вполнѣ соотвѣтствующее нѣмецкому *Donnerstag*. Замѣчательно, что у черногорцевъ до сихъ поръ по четвергамъ еще чтутъ громовника отъ градобитія [6]). Крайне неумѣстнымъ было бы въ данномъ случаѣ искать здѣсь сѣвернаго вліянія (*Donnerstag*). О итальянскомъ вліяніи тутъ еще можно допустить (четвергъ = день Юпитера = Iovis dies = giovedi), однако все-таки необъяснимымъ становится, существовало ли у латинянъ подобное повѣріе какъ у черногорцевъ или же этотъ случай ничто иное какъ чисто-славянскій праздникъ, и, слѣдовательно, здѣсь и слова не можетъ быть о заимствованіи. Извѣстныя до сихъ поръ историческія сообщенія о *Proven*-ѣ [7]), въ честь кото-

---

1) Máchal, Nákres slovanského bájeslóvi. Praha, 1891, стр. 23.
2) Тамъ же, стр. 23.
3) Slovanský Sbornik, V, стр. 26. — Máchal, стр. 20.
4) Slovanský sbornik, V, стр. 27.
5) Jireček въ Č. Č. M., 1863, стр. 154.
6) П. А. Ровинскій, Черногорія, II т. Спб., 1901, стр. 453.
7) Helmoldi Chronica Slavorum. Hannoverae, 1868, I, стр. 83.

раго посвящали дубы, и о *Porenutius*-ѣ [1]) на островѣ Рюгенѣ приводятся нами съ оговоркой. Другія имена у западныхъ славянъ насчитываетъ Крекъ [2]).

Свидѣтельство Прокопія въ VI в. о культѣ громовника у южныхъ славянъ является вполнѣ классическимъ и неоспоримымъ: «Славяне признаютъ одного только властителя этой вселенной, одного бога, творца молніи. Ему они приносятъ въ жертву воловъ и другихъ животныхъ» [3]). Въ тѣсной связи съ этимъ свидѣтельствомъ о жертвоприношеніи воловъ богу громовнику находится, по всей вѣроятности, доселѣ сохранившійся у южныхъ славянъ обычай на день св. Ильи убивать быковъ, телятъ, и мясо ихъ раздавать всѣмъ поселянамъ. Такъ, «въ окрестностяхъ Велеса (Македонія) на день св. Ильи отъ имени цѣлаго села приносится общая жертва. Всѣ поселяне сходятся на опредѣленномъ мѣстѣ, такъ называемомъ *оброчищѣ*. Тутъ именно убивается волъ, и мясо его заваривается въ общемъ котлѣ. Такъ приготовленное мясо распредѣляется по частямъ всѣмъ семьямъ, готовящимъ каждое для себя особый обѣденный столъ. Жертва считается дѣйствительной послѣ исполненія нѣкоторыхъ обрядовъ и чтенія особыхъ молитвъ сельскимъ священникомъ. Подобныя празднества съ жертвоприношеніями устраиваются очень часто во многихъ мѣстахъ въ Македоніи» [4]). Этотъ обычай существуетъ также въ освобожденной части Македоніи, въ окрестностяхъ Кюстендиля [5]). Ворачекъ описываетъ подробно этотъ обычай у родопскихъ болгаръ въ Пловдивскомъ (Филиппопольскомъ) селѣ Ярловѣ, гдѣ приносятъ въ жертву овецъ на высокомъ холмѣ, поросшемъ *дубами*, называемомъ *Св. Илія* [6]).

---

1) Saxo Grammaticus, Gesta Danorum. Strassburg, 1886, стр. 578.

2) Krek, Einleitung. 2 Aufl., стр. 385, 386.

3) Θεὸν μὲν γὰρ ἕνα τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν ἁπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι· καὶ θύουσιν αὐτῷ βόας τε καὶ ἱερεῖα ἅπαντα. Proc. De bello Gothico, III, 14.

4) Шапкаревъ, Сборникъ, кн. VII, София, 1891, стр. 185.

5) Любеновъ, Баба Ега, Търново, 1887, стр. 19.

6) Perunova slavnost' v Rhodopách (Slov. sbornik, V, стр. 77—79).

Въ житіи св. Димитрія Солунскаго находимъ интересное свѣдѣніе о богѣ *Пиринѣ*. Въ 676 году, при осадѣ Солуна славянами, воевода ихъ Хацонъ спросилъ по своему обычаю у оракула, удастся ли ему войти въ городъ [1]). Пириномъ сказано ему было въ отвѣтъ (какъ это стоитъ въ болгарскомъ изданіи житія), что войдетъ [2]). Однако до появленіи въ печати критическаго изданія рукописей этого житія, мы должны воздержаться отъ всякихъ заключеній, ссылаясь только на прибавку ἐκ τοῦ Πῦρήνος (sic). Разъ это утверждено, тогда уже все, чего недостаетъ у Прокопія, именно имя громовника, будетъ дополнено.

Въ одномъ изъ старо-болгарскихъ переводовъ *Александріи*, сохраненной въ русской переписи, еллинскій громовержецъ Зевсъ, отецъ Александра Великаго, поименованъ славянскимъ Перуномъ: **сн҃ъ бж҃ии, Пороуна велика, цр҃ь Алекс҃ан'дръ** [3]): υἱὸς Θεοῦ Διὸς τοῦ μεγάλου, βασιλεὺς Ἀλέξανδρος).

Еще однимъ свидѣтельствомъ о культѣ Перуна у болгаръ служитъ недавно публикованная профессоромъ В. Н. Златарскимъ исторія болгаръ іеросхимонаха Спиридона. Отецъ Спиридонъ несознательно является въ этомъ произведеніи первымъ болгарскимъ фольклористомъ. Онъ упоминаетъ, что въ XVIII в.,

---

1) Ὁ τῶν αὐτῶν Σκλαβίνων ἔξαρχος τοὔνομα Χάτζων, κατὰ τὸ αὐτῷ εἰθισμένον διὰ μαντείας ᾐτήσατο μαθεῖν, εἰ εἰσελθεῖν ἔχοι ἐν τῇ Θεοφυλάκτῳ ἡμῶν πόλει. Tougard, De l'histoire profane. Paris, 1874, стр. 126.

2) Въ изданіи Тугара напечатано только καὶ εἰρήθη αὐτῷ ὅτι εἰσελθεῖν ἔχει (и сказано имъ было въ отвѣтъ, что войдетъ). Однако въ одномъ извлеченіи П. Р. Славейкова изъ того-же самаго житія (Житие на св. Димитрия Солунски, Цариградъ, 1868) находимъ, что упомянутому воеводѣ отвѣчено было Пириномъ (ἐκ τοῦ Πῦρήνος), стр. 41. Славейковымъ не упомянуто, откуда сдѣлано имъ его болгарское извлеченіе; съ другой стороны самъ Тугаръ заявляетъ (стр. XIII), что прочесть это житіе въ Парижской рукописи составляетъ громадное затрудненіе, какъ и исправить, или сличить его съ другими рукописями. Если дѣйствительно Славейковымъ намъ дана вѣрная перепись имени, можно бы сказать, что Πῦρήνος (gen.) соотвѣтствуетъ одному Pyrun, Poren Perun (Krek, Einleitung, стр. 385).

3) В. Истринъ, Александрія русскихъ хронографовъ. Москва, 1893, стр. 114—115. Ягичъ относитъ этотъ переводъ въ старо-болгарскую эпоху. Archiv f. sl. Ph. XVI, стр. 223.

когда онъ жилъ въ Болгаріи, почитали еще Перуна и чествовали его во время бездождія: **И сего Перѹна болгары почитаютъ: во время бездождіа, собираютсѧ юноши и дѣвицы и избираютъ единаго, или от дѣвицъ или юношахъ, и облачают его въ мрежѹ, аки въ багрѧницѹ, и сплетѹтъ емѹ вѣнецъ от бѹрѧнов въ образ кралѧ Перѹна, и ходѧт по домахъ, играюще и спѣвающе часто поминающе бѣса того, и поливающе водами и Перѹна того, и сами себѣ; людіе же безѹмніи даютъ имъ милостыню** [1]). Замѣтка эта отца Спиридона очень важна еще потому, что съ открытіемъ ея теперь легко можно разрѣшить не выясненный до сихъ поръ вопросъ балканскаго фольклора — значеніе и происхожденіе слова πυρπηρεῦνα, неперуда, papalugă и пр. при одноименномъ обычаѣ. Впрочемъ объ этомъ скажемъ подробнѣе въ особенной статьѣ. Что отецъ Спиридонъ подъ именемъ Перуна понимаетъ не только самаго бога дождевника, но и громовержца у Прокопія, видно изъ объясненіемъ слова самымъ о. Спиридономъ: **молній или Перѹнъ** [2]).

Въ рукописи **Сокровище дѣтемъ** [3]), писанной въ западной Болгаріи въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX в. и хранящейся въ Софійской Народной Библіотекѣ подъ № 191, сказано: **царь ерасмій. кото беше мѹчитель людемъ своимъ пораженъ (сокрѹшенъ) бысть ѹ ложницата си молніею (перѹномъ)**, листъ 14а.

Василій Априловъ, самый добросовѣстный изъ болгарскихъ писателей съ эпохи духовнаго возрожденія болгаръ, утверж-

---

1) Спиридонъ Іеросхимонахъ, Исторіа во кратцѣ о болгарскомъ народѣ славенскомъ. Сочинисѧ и списасѧ въ лѣто 1792. Изд. В. Н. Златарски. София, 1900, стр. 14.

Замѣчательно подобное фольклористическое примѣчаніе въ самой Россіи о Перунѣ, находящееся въ одной рукописи XIV в. въ Петерб. Духовн. Акад.: но и нынѣ по оукраинамъ молятсѧ ѥмоу проклѧтомоу богѹ Пероунѹ (Krek, Einleitung, стр. 385).

2) Спиридонъ, стр. 91.

3) Рукопись эта состоитъ изъ семи разговоровъ учителя съ его ученикомъ. Что рукопись греческаго происхожденія, видно изъ употребленныхъ въ текстѣ греческихъ именъ. Рукопись открыта въ монастырѣ св. Кирика, въ окрестностяхъ селенія Смиловци, Царибродскаго уѣзда.

славянскихъ памятникахъ XV—XVII в., изданныхъ въ «Гласникѣ» 42, встрѣчаются имена, образованныя суффиксомъ *-унъ*. Примѣромъ могутъ послужить слѣдующія изъ нихъ: *Перунка*, *Бѣгуна*, *Добрунъ*, *Милунъ*, *Милуна*, *Радуна*, *Радуня*, *Тихунъ* и др. Современныя южно-славянскія нарѣчія точно также обильны подобными примѣрами: *блгуна ібалка* въ Дибрѣ, *Бѣгуновци* — село въ Трнскомъ уѣздѣ, *Бѣгунци* — село на болгарской Моравѣ, *Медунъ* — село вблизи Подгорицы, *кăлвŭн* — (клювъ) въ окрестностяхъ Сыстова, *медŭнъ* — самецъ медвѣдь въ окрестностяхъ Тетевена, въ Габровѣ, *пискŭнъ*, *горŭнъ* (quercus pedunculata) въ Еленѣ, *сладŭнъ* (quercus conferata) въ Еленѣ, *благŭнъ* (quercus conferata) въ окрестностяхъ Лома, и т. д.; имена лицъ у болгаръ: *Петруна*, *Радуна*, *Галуна*, *Перунъ*, *Парунъ*, *Перуна*, *Спасуна* и т. д. Маретичъ вычисляетъ около 40 личныхъ именъ на *-унъ* у сербо-хорватовъ [1]).

Слѣдовательно, обширное употребленіе составныхъ частей имени Перуна какъ и самаго этого имени у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, особенно же у южныхъ славянъ, гдѣ вліяніе литовцевъ и норвежцевъ, послѣ разселенія славянъ, стало невозможнымъ, свидѣтельствуетъ о *существованіи этой самой формы Перунъ въ общеславянской эпохѣ*. О происхожденіи и формѣ этого имени раньше той эпохи можно только предполагать. Связь имени Перуна съ однимъ предполагаемымъ индоевропейскимъ **parg*, съ ведическимъ Pardjanya, съ кельтскимъ (P)erkunia, съ норвежскимъ Fiörgyn, съ литовскимъ Perkunas (Parkones) [2]) очень вѣроятна. Предполагаемое *Parg-un-ia въ нѣкоторыхъ языкахъ было сохранено съ кореннымъ гортаннымъ звукомъ, а въ славянскомъ имя это отодвинулось въ другомъ направленіи съ очень употребляемымъ корнемъ *пер* безъ гортаннаго звука. И польское слово *Piorun* указываетъ на то, что имя

---

1) Maretić, Narodna imena i prezimena u Hrvata i Srba (Rad, 82, стр. 128—9).

2) Veckenstedt, Die Mythen, Sagen und Legenden der Žamaiten (Litauer), II. Heidelberg, 1883, стр. 255, указываетъ на форму Parkenas какъ на болѣе старую, чѣмъ Perkunas. Срв. A. Brückner въ Archiv f. sl. Ph. IX, стр. 21.

это развилось на чисто мѣстной славянской почвѣ, гдѣ *е* перешло въ *io*, какъ это и въ глаголѣ **перж**—*piorę*, **берж**—*biorę*. Чужія слова, остающіяся безъ значенія для заимствовавшихъ, звучатъ какъ и въ чужомъ языкѣ. Еслибы у славянина поляка не существовало слово Перунъ и еслибъ онъ занималъ непонятное ему литовское слово, онъ бы произносилъ это слово *Перкуномъ*, а не *Піоруномъ*.

Ясная славянская этимологія слова Перунъ уже указываетъ намъ, каковымъ былъ главный миѳическій аттрибутъ этого славянскаго божества, или, лучше сказать, которое изъ природныхъ явленій именуется этимъ словомъ. Переводъ же этого имени другимъ, болѣе яснымъ южно-славянскимъ словомъ, будетъ *бичъ*, *удрячъ*, *гръмовникъ*. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было историческихъ текстовъ, которыми было бы указано на другой аттрибутъ Перуна, мы не въ состояніи съ достовѣрностью сказать, что древне-славянскій Перунъ былъ, напримѣръ, кромѣ громовника, и дождевникомъ. Дѣйствительно, южно-славянскій фольклоръ отдаетъ эти два аттрибута св. Ильѣ, замѣнившему позже Перуна, однако съ полнымъ правомъ можно утверждать, что они ничто иное, какъ новѣйшее наслоеніе. Впрочемъ соименникъ Перуна, Pardjanya, въ Ригъ-Ведѣ даритъ благодѣтельными дождями, спасительныя воды орошаютъ увядшія растенія. Самъ Pardjanya олицетворяетъ тучи. Теленокъ его—дождь, а ревъ—громъ [1]).

III.

Историческія, географическія, фольклорныя и др. свидѣтельства.

Прежде всего вспомнимъ бѣгло о главнѣйшихъ свидѣтельствахъ о Перунѣ у русскихъ и западныхъ славянъ. Прямымъ доказательствомъ боготворенія Перуна на Руси во время язычества

---

1) Rig-Veda, V; 7, 1—2.

служитъ лѣтопись Нестора, въ договорахъ между русскими и Византіей въ 907, 945, 971 годахъ; Новгородская лѣтопись, Галицкій текстъ съ 1302 г. [1]). Въ чехо-словацкой старинѣ до сихъ поръ не открытъ еще какой-либо текстъ съ именемъ Перуна. Нѣкоторые миѳологи довольствуются только указаніемъ на двѣ словацкія пѣсни, записанныя восторженнымъ славянофиломъ Коларомъ [2]). Въ этихъ пѣсняхъ упоминается о *Buoh*-ѣ *Parom*-ѣ. Въ словарѣ словацкаго языка встрѣчается между прочимъ и глаголъ *peruntati*, трещать, съ прилагательнымъ *perunský*, а также есть и нѣсколько заклинаній съ именемъ *Parom*, *Peron* (Parom do tebe, Peronova strela t'a zabila) [3]). Польскимъ королемъ Владиміромъ запрещенъ былъ народный обычай поддерживать вѣчный огонь Перуна (Pioruna) [4]), имя котораго и теперь у поляковъ пользуется столь обширнымъ употребленіемъ въ смыслѣ *грома*. Опять попадаются здѣсь мѣстныя имена, посвященныя Перуну [5]). Что и прибалтійскіе славяне именовали бога-громника тѣмъ-же самымъ именемъ, видно изъ названій *perendan*, вполнѣ соотвѣтствующее нѣмецкому *Donnerstag*. Замѣчательно, что у черногорцевъ до сихъ поръ по четвергамъ еще чтутъ громовника отъ градобитія [6]). Крайне неумѣстнымъ было бы въ данномъ случаѣ искать здѣсь сѣвернаго вліянія (*Donnerstag*). О итальянскомъ вліяніи тутъ еще можно допустить (четвергъ = день Юпитера = Iovis dies = giovedi), однако всетаки необъяснимымъ становится, существовало ли у латинянъ подобное повѣріе какъ у черногорцевъ или же этотъ случай ничто иное какъ чисто-славянскій праздникъ, и, слѣдовательно, здѣсь и слова не можетъ быть о заимствованіи. Извѣстныя до сихъ поръ историческія сообщенія о *Proven*-ѣ [7]), въ честь кото-

1) Máchal, Nákres slovanského bájeslovi. Praha, 1891, стр. 23.
2) Тамъ же, стр. 23.
3) Slovanský Sborník, V, стр. 26. — Máchal, стр. 20.
4) Slovanský sborník, V, стр. 27.
5) Jireček въ Č. Č. M., 1883, стр. 154.
6) П. А. Розанскій, Черногорія, II т. Спб., 1901, стр. 453.
7) Helmoldi Chronica Slavorum. Hannoverae, 1868, I, стр. 83.

раго посвящали дубы, и о *Porenutius*-ѣ [1]) на островѣ Рюгенѣ приводятся нами съ оговоркой. Другія имена у западныхъ славянъ насчитываетъ Крекъ [2]).

Свидѣтельство Прокопія въ VI в. о культѣ громовника у южныхъ славянъ является вполнѣ классическимъ и неоспоримымъ: «Славяне признаютъ одного только властителя этой вселенной, одного бога, творца молніи. Ему они приносятъ въ жертву воловъ и другихъ животныхъ» [3]). Въ тѣсной связи съ этимъ свидѣтельствомъ о жертвоприношеніи воловъ богу громовнику находится, по всей вѣроятности, доселѣ сохранившійся у южныхъ славянъ обычай на день св. Ильи убивать быковъ, телятъ, и мясо ихъ раздавать всѣмъ поселянамъ. Такъ, «въ окрестностяхъ Велеса (Македонія) на день св. Ильи отъ имени цѣлаго села приносится общая жертва. Всѣ поселяне сходятся на опредѣленномъ мѣстѣ, такъ называемомъ *оброчищѣ*. Тутъ именно убивается волъ, и мясо его заваривается въ общемъ котлѣ. Такъ приготовленное мясо распредѣляется по частямъ всѣмъ семьямъ, готовящимъ каждое для себя особый обѣденный столъ. Жертва считается дѣйствительной послѣ исполненія нѣкоторыхъ обрядовъ и чтенія особыхъ молитвъ сельскимъ священникомъ. Подобныя празднества съ жертвоприношеніями устраиваются очень часто во многихъ мѣстахъ въ Македоніи» [4]). Этотъ обычай существуетъ также въ освобожденной части Македоніи, въ окрестностяхъ Кюстендиля [5]). Ворачекъ описываетъ подробно этотъ обычай у родопскихъ болгаръ въ Пловдивскомъ (Филиппопольскомъ) селѣ Ярловѣ, гдѣ приносятъ въ жертву овецъ на высокомъ холмѣ, поросшемъ *дубами*, называемомъ *Св. Илія* [6]).

---

1) Saxo Grammaticus, Gesta Danorum. Strassburg, 1886, стр. 578.

2) Krek, Einleitung. 2 Aufl., стр. 385, 386.

3) Θεὸν μὲν γὰρ ἕνα τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν ἁπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι· καὶ θύουσιν αὐτῷ βόας τε καὶ ἱερεῖα ἅπαντα. Proc. De bello Gothico, III, 14.

4) Шапкаревъ, Сборникъ, кн. VII, София, 1891, стр. 185.

5) Любеновъ, Баба Ега, Търново, 1887, стр. 19.

6) Perunova slavnost' v Rhodopách (Slov. sbornik, V, стр. 77—79).

Въ житіи св. Димитрія Солунскаго находимъ интересное свѣдѣніе о богѣ *Пиринѣ*. Въ 676 году, при осадѣ Солуна славянами, воевода ихъ Хацонъ спросилъ по своему обычаю у оракула, удастся ли ему войти въ городъ [1]). Пириномъ сказано ему было въ отвѣтъ (какъ это стоитъ въ болгарскомъ изданіи житія), что войдетъ [2]). Однако до появленіи въ печати критическаго изданія рукописей этого житія, мы должны воздержаться отъ всякихъ заключеній, ссылаясь только на прибавку ἐκ τοῦ Πῦρήνος (sic). Разъ это утверждено, тогда уже все, чего недостаетъ у Прокопія, именно имя громовника, будетъ дополнено.

Въ одномъ изъ старо-болгарскихъ переводовъ *Александріи*, сохраненной въ русской переписи, еллинскій громовержецъ Зевсъ, отецъ Александра Великаго, поименованъ славянскимъ Перуномъ: **сн҃ъ бж҃ии, Пороуна великꙗ, цр҃ь Ѧлекса́нъдръ** [3]): υἱὸς Θεοῦ Διὸς τοῦ μεγάλου, βασιλεὺς Ἀλέξανδρος).

Еще однимъ свидѣтельствомъ о культѣ Перуна у болгаръ служитъ недавно публикованная профессоромъ В. Н. Златарскимъ исторія болгаръ іеросхимонаха Спиридона. Отецъ Спиридонъ несознательно является въ этомъ произведеніи первымъ болгарскимъ фольклористомъ. Онъ упоминаетъ, что въ XVIII в.,

---

1) Ὁ τῶν αὐτῶν Σκλαβίνων ἔξαρχος τοὔνομα Χάτζων, κατὰ τὸ αὐτῷ εἰθισμένον διὰ μαντείας ᾐτήσατο μαθεῖν, εἰ εἰσελθεῖν ἔχοι ἐν τῇ Θεοφυλάκτῳ ἡμῶν πόλει. Tougard, De l'histoire profane. Paris, 1874, стр. 126.

2) Въ изданіи Тугара напечатано только καὶ εἰρήθη αὐτῷ ὅτι εἰσελθεῖν ἔχει (и сказано имъ было въ отвѣтъ, что войдетъ). Однако въ одномъ извлеченіи П. Р. Славейкова изъ того-же самаго житія (Житие на св. Димитрия Солунски, Цариградъ, 1868) находимъ, что упомянутому воеводѣ отвѣчено было Пириномъ (ἐκ τοῦ Πῦρήνος), стр. 41. Славейковымъ не упомянуто, откуда сдѣлано имъ его болгарское извлеченіе; съ другой стороны самъ Тугаръ заявляетъ (стр. XIII), что прочесть это житіе въ Парижской рукописи составляетъ громадное затрудненіе, какъ и исправить, или сличить его съ другими рукописями. Если дѣйствительно Славейковымъ намъ дана вѣрная перепись имени, можно бы сказать, что Πῦρήνος (gen.) соотвѣтствуетъ одному Pyrun, Poren Perun (Krek, Einleitung, стр. 385).

3) В. Истринъ, Александрія русскихъ хронографовъ. Москва, 1893, стр. 114—115. Ягичъ относитъ этотъ переводъ въ старо-болгарскую эпоху. Archiv f. sl. Ph. XVI, стр. 223.

когда онъ жилъ въ Болгаріи, почитали еще Перуна и чествовали его во время бездождія: **И сего Перѹна болгары почитаютъ: во время бездождіа, собираютсѧ юноши и дѣвицы и избираютъ единаго, или от дѣвицъ или юношахъ, и облачают его въ мрежѹ, аки въ багрѧницѹ, и сплетѹтъ емѹ вѣнецъ от бѹрѧнов въ образ кралѧ Перѹна, и ходѧт по домахъ, играюще и спѣвающе часто поминающе бѣса того, и поливающе водами и Перѹна того, и сами себѣ; людіе же безѹмніи даютъ имъ милостыню** [1]). Замѣтка эта отца Спиридона очень важна еще потому, что съ открытіемъ ея теперь легко можно разрѣшить не выясненный до сихъ поръ вопросъ балканскаго фольклора — значеніе и происхожденіе слова πυρπηρεῦνα, неперуда, papalugă и пр. при одноименномъ обычаѣ. Впрочемъ объ этомъ скажемъ подробнѣе въ особенной статьѣ. Что отецъ Спиридонъ подъ именемъ Перуна понимаетъ не только самаго бога дождевника, но и громовержца у Прокопія, видно изъ объясненіемъ слова самымъ о. Спиридономъ: **молній или Перѹнъ** [2]).

Въ рукописи **Сокровище дѣтемъ** [3]), писанной въ западной Болгаріи въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX в. и хранящейся въ Софійской Народной Библіотекѣ подъ № 191, сказано: **цáрь ѐрасмїй. кóито бéше мѹчи́тель лю́демъ свои́мъ поражéнъ (сокрѹшéнъ) бы́сть ѹ лóжницата си мóлнїею (перѹномъ)**, листъ 14а.

Василій Априловъ, самый добросовѣстный изъ болгарскихъ писателей съ эпохи духовнаго возрожденія болгаръ, утверж-

---

1) Спиридонъ Іеросхимонахъ, Исторіа во кратцѣ о болгарскомъ народѣ славенскомъ. Сочинисѧ и списасѧ въ лѣто 1792. Изд. В. Н. Златарски. София, 1900, стр. 14.

Замѣчательно подобное фольклористическое примѣчаніе въ самой Россіи о Перунѣ, находящееся въ одной рукописи XIV в. въ Петерб. Духовн. Акад.: но и нынѣ по оукраинамъ молятсѧ ѥмоу проклѧтомоу богѹ Пероунѹ (Krek, Einleitung, стр. 385).

2) Спиридонъ, стр. 91.

3) Рукопись эта состоитъ изъ семи разговоровъ учителя съ его ученикомъ. Что рукопись греческаго происхожденія, видно изъ употребленныхъ въ текстѣ греческихъ именъ. Рукопись открыта въ монастырѣ св. Кирика, въ окрестностяхъ селенія Смиловци, Царибродскаго уѣзда.

даетъ свидѣтельство о. Спиридона, заявляя, что «нынѣшніе болгаре въ своихъ народныхъ пѣсняхъ славятъ *Перуна, Коляду, Ладу* и *Леля*» [1]). Априловъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что дѣйствительно зналъ, не придерживаясь того направленія эпохи, безцеремонно насчитавшей цѣлый сонмъ фантастическихъ словъ, какъ именъ славянскихъ божествъ. И въ самомъ дѣлѣ, упомянутыя Априловымъ именъ живутъ и доселѣ въ болгарскомъ фольклорѣ — нѣкоторыя въ самыхъ личныхъ именахъ, другія же въ пѣсняхъ.

До сихъ поръ изданы были двѣ болгарскія пѣсни съ именемъ Перуна. Однако-жъ пѣсня, записанная Раковскимъ [2]), принята была нѣкоторыми учеными какъ мистификація въ виду чрезчуръ патріотической окраски всѣхъ литературныхъ трудовъ автора «Горскаго Пѫтника». Вотъ эта пѣсня:

Пипируда злата
Прѣдъ Перуна лѣта,
Лѣта и пролѣта
По поле ся мѣта
И Богу ся моли:
Дай Боже дъждецъ!
Да израстѫтъ нивы
Нивы и ливады!
Бары, бары води!
Блата, блата віна!
Всякы класъ и тъгаръ!
Всяко гребло тягло!
Отъ коряна кошница
По всякѫ лозицѫ!

Мы справились у знакомыхъ намъ лицъ въ окрестностяхъ

1) В. Априловъ, Денница Ново-болгарскаго образованія. Одесса, 1841, стр. 92.

2) Г. С. Раковски, Горскій Пѫтникъ. Новый Садъ, 1857, стр. 168.

города Котла, гдѣ могъ Раковскій записать эту пѣсню, и дѣйствительно мы получили текстъ, записанный въ селѣ Жеравнѣ учителемъ Ранковымъ; однако въ немъ не видно имени Перуна, какъ и послѣднихъ стиховъ Раковскаго. Вотъ эта пѣсня:

Пипирýдж ліàта,
Ліàта и пруліàта (2)
И се Бòгу моли:
«Даі, Бòже, даі, даі
Сѝтен, дрѐбен дъждѐц,
Да пунѝкни жѝту,
Житу чърнуклàсу (2),
И кѝчъсту прусò».

При томъ, ознакомившись съ ново-греческими «пирпирунами», мы замѣтили, что нѣкоторые стихи пѣсни Раковскаго вполнѣ соотвѣтствуютъ подобнымъ ново-греческимъ. Это убѣждаетъ насъ, что Раковскій по этимъ именно образцамъ смастерилъ нѣкоторые изъ послѣднихъ стиховъ, позабытые авторомъ, вѣчно странствовавшимъ изъ Константинополя въ Аѳины, Парижъ, Бѣлградъ, Букарестъ и т. д. Одна изъ греческихъ пѣсней у Marcellus[1]) несомнѣнно послужила здѣсь основаніемъ Раковскому, болгарскій языкъ котораго въ данномъ случаѣ ничто иное, какъ буквальный переводъ греческаго. Примѣромъ можетъ послужить сличеніе нижеслѣдующихъ стиховъ:

Κύριε, βρέξε μιὰ βροχὴ, . . .	Дай Боже дъждецъ! . . .
Μπάραις, μπάραις τὰ νερὰ,	Бары, бары води!
Λίμναις, λίμναις τὰ κρασιὰ.	Блата, блата віна!
Κάτε κούτσουρο καλάθ',	(Отъ коряна кошница)
Κάτε στάχη καὶ ταγάρ'.	Всякы класъ и тъгаръ!

Другая болгарская народная пѣсня съ именемъ Перуна

1) M. de Marcellus, Chants du peuple en Grèce. T. II. Paris, 1851, стр. 214.

издана была въ «Цариградскомъ вѣстникѣ», 1859, № 439, съ заглавіемъ «Женитба Ива изъ Меглена». Въ этой пѣснѣ дѣйствительно попадаются обороты, присущіе болгарской народной поэзіи, однако изъ всего остального видно, что это произведеніе ничто иное, какъ поддѣланный текстъ. Прежде всего языкъ самой пѣсни искусственъ, и никоимъ образомъ нельзя принять его за какой-либо изъ болгарскихъ говоровъ. Вотъ стихи, содержащіе имя Перуна:

Гласъ невидимъ отъ воздуха выка:
Чуете ли Царе Шишманине!
Те поздравя Милка самодива,
Отъ Перуна Неда Самохотка.
Та пущайте мачкы отъ корабы
Нека стоятъ корабы во море.

Пѣсня эта какъ разъ пришлась по вкусу Раковскаго; онъ перепечаталъ нѣсколько куплетовъ изъ нея и съ жаромъ рекомендуетъ ихъ, дивясь ея старинности, что будто-бы это произведеніе относилось къ эпохѣ до созданія Зевсомъ греческаго Олимпа [1]).

Имя Перуна вполнѣ сохранено въ именахъ лицъ и топографическихъ названіяхъ у всѣхъ южныхъ славянъ. Какъ христіанство ни препятствовало сохраненію личныхъ именъ, находящихся въ связи съ языческою древностью [2]), все-таки имя Перуна успѣло сохраниться доселѣ. Въ Трнскомъ уѣздѣ хорошо сохранено мужское имя *Перу̀нъ*, какъ и женское *Перуна* съ его ласкательными: *Перунка*, *Перуника* [3]). Въ Радомирскомъ селѣ Витановци, въ окрестныхъ селахъ Ихтимана и въ Софійскихъ

1) Г. С. Раковски, Ключъ българскаго языка. Одесса 1880, стр. 93.

2) Въ старину имя Перунъ служило также собственнымъ именемъ. Въ одной рукописи съ XII в., упомянуто, что Перунъ, Хърсъ, Велесъ и Траянъ были именами лицъ (Krek, Einleitung, стр. 384), возведенныхъ въ божества: на бѣ обратиша (Archiv f. sl. Ph. XI, стр. 305). Въ XIII—XIV в. Дубровничанка какая-то именовалась Перхуна (Rad, кн. 89, стр. 132).

3) Сборникъ министерства, XV, стр. 198.

селахъ (Подгумеръ, Славовци, Малешевци) попадается женское имя *Перу̀на*. Въ Македоніи встрѣчается женское имя *Перуница*[1]). Въ Нейковѣ, селѣ Котленскаго уѣзда, и теперь еще въ ходу мужское имя *Пару̀нъ*, а въ Градецѣ, Жеравнѣ, и въ самомъ городѣ Котлѣ извѣстно и женское имя *Паруна*. Оно извѣстно и въ Самоковскомъ селѣ Ковачевци (сравн. съ словацкимъ Pagom, Parun). Въ Чачанскомъ селѣ Слатина (Сербія) еще живетъ семейство *Перуничиħ* — имя извѣстное уже съ 200 лѣтъ тому назадъ [2]). По достовѣрнымъ имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, имя Перуна теперь уже вышло изъ употребленія у сербо-хорватовъ[3]), хотя не долго тому назадъ еще употреблялось личное имя *Перунко* [4]). По свидѣтельству профессора-словинца Крека мужское имя *Перунъ* и теперь сохранено у словинцевъ [5]).

Женское личное имя *Перуника*, *Перунига*, *Перуница* (*Пера*) встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ сербовъ и болгаръ:

«Ој девојко, бела *Перунико!*» [6])

или

«*Перунѝче*, девойче!
Не стой, *Пе́ро*, на бре́г-о! [7])

или

«*Перуни́го*, гьиздава девойко!
Тихом-пееш, диле́ко се слуше» [8]).

---

1) Миладиновы, Сборникъ, 2-е изд., стр. 533.

2) Это свѣдѣніе мнѣ досталъ любезный слатински уроженецъ Драгутинъ М. Перуничичъ. Очень можетъ быть, что это семейство то самое упомянутое Караджичемъ въ «Живот и обичаји» Беч, 1867, стр. 93.

3) Этими и другими свѣдѣнія мы обязаны любезности д-ра Алауповича изъ Сараева.

4) Gržetić Gašpičev, O vjeri starih slovjena. Mostar, 1900, стр. 192.

5) Krek, Einleitung, стр. 385.

6) Бранисла̀въ Нушиħ, Косово, I, стр. 166.

7) Шапкаревъ, Сборникъ, кн. VI, № 1227. Срв. варіантъ у Миладиновыхъ, Сборникъ, № 271.

8) Шапкаревъ, тамъ же, № 973.

или

Перунѝка въ̀здън вѝка:
«Перунѝко, ма̀ла мо̀ме,
Ела, мо̀ме, о̀бери ме,
Обери ме, за̀боди ме» и пр.

(Рукопись).

Кажется, безполезно будетъ доказывать, что имя Перуника (Перунъ) никакъ не образовалось отъ имени св. *Вероники*, какъ предполагалось. Въ одномъ апокрифѣ даже указывается, что когда-то имя это выговаривалось у славянъ и **Верникіа**[1]). Позднѣе католики хорваты выбросили слово Перуника, замѣнивъ его церковнымъ именемъ Veronika[2]).

Имя Перуна, какъ было сказано, сохранилось доселѣ въ многихъ топографическихъ названіяхъ. У словенцевъ существуетъ *Перуня весь* и *Перуни врхъ*[3]). На восточной части Истрійскаго полуострова возвышается гора *Перунъ*, вышиною 881 м. Одна изъ горныхъ вершинъ между Сутѣской и Варешемъ (въ Боснѣ) именуется *Перуномъ*. Д-ръ Алауповичъ изъ Сараева оказалъ намъ свою любезность провѣркой этого факта. У хорватовъ существуетъ *Перуна-Дубрава*[4]), въ Далмаціи—гора *Перунъ* возлѣ самаго села Дубрава[5]). На разстояніи пяти км. отъ Крагуевца (Сербія) находится село *Перуновацъ*[6]). Въ Княжевацкомъ округѣ существуетъ горная вершина *Перинатица*[7]). Въ Куршумлійскомъ уѣздѣ есть село *Перуника*[8]). Авторъ описанія

1) Порфирьевъ, Апокрифич. сказанія о новозав. лицахъ и событіяхъ. Спб., 1890, стр. 280.

2) Gržetić, O vjeri starih slovjena, стр. 193.

3) Krek, стр. 385.

4) Тамъ же, стр. 385. — Gržetić, стр. 193.

5) Rad, кн. 89, стр. 133: «U selu Dubravi, pod pomenutom planinom Perun, priča se da su se na neke mjestu selu ljudi nekad klanjali bogu Perunu...»

6) К. Јовановић, Речник свију вароши, варошица, села и засеока у Србији. Београд, 1872, стр. 57 и 129.—Милићевић, Кнежевина Србија. Београд, 1876, стр. 758.

7) Милићевић, стр. 825.

8) Краљевина Србија. Београд, 1884, стр. 414.

Татаръ-Пазарджикской каазы (Ѳракія), Стефанъ Захаріевъ, мимоходомъ упоминаетъ объ одной *Перуновой* горѣ[1]) южнѣе г. Пещеры. Иречекъ упоминаетъ о той же самой горѣ съ именемъ *Перинъ*[2]), да и провѣркой, сдѣланной нами, утверждается самымъ теперешнимъ именемъ этого же холма — Перинъ. Мѣстность, находящаяся вблизи Германа и Осича, въ Кумановской каазѣ, въ сѣверной Македоніи, извѣстна подъ именемъ *Перинъ*[3]). Опять тѣмъ же самымъ именемъ называются высокія Македонскія горы *Перинъ*, какъ и носящее ихъ имя село, находящееся у подошвы этихъ горъ. Миклошичъ[4]) производитъ это названіе отъ имени Перуна. Выводъ этотъ утверждается существованіемъ подобныхъ же соотношеній у другихъ болѣе удаленныхъ славянъ. Такъ напримѣръ, теперешній скитъ *Перынъ*, находящійся на лѣвомъ берегу р. Волхова, воздвигнутъ на самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то возвышалось идолище *Перуна*[5]). Точно такимъ-же является еще *Перинградъ*[6]) вблизи Столаца (Герцеговина). Въ Албанію, къ ю.-в. отъ Берата, есть село *Перинясы*[7]). Шеппингъ упоминаетъ объ одномъ географическомъ имени въ Валахіи—*Перкуниста*[8]). Въ старину Белоцкая община (Румынія) называлась *Перени*[9]). Названіе болгарскаго городка *Перущица*, встрѣчающееся еще въ XIII в.[10]), напоминаетъ о Новгородскомъ Перушицѣ, — когда, по лѣтописи, самый идолъ былъ выброшенъ въ Волховѣ (**ты, рече, Перꙋшице, досити еси пилъ и ꙗлъ, а нынѣ плови оуже проче**).

---

1) Стефанъ Захаріевъ, Описаніе на Татаръ-Пазарджишка-тж каазж. Віена, 1870, стр. 64.

2) Иречекъ, Княжество България. II. Пловдивъ, 1899, стр. 445.

3) Срв. Д-ръ Ј. Х. Васиљевић, Драгаш и Константин Дејановићи. Београд, 1902, стр. 45.

4) Miklosich, Lexicon p. sl. gr. l. подъ именемъ Перꙋнъ.

5) Барсовъ, Очерки русской исторической географіи. 2-е изд. Варшава 1885, стр. 203.

6) Grže tić, стр. 193.

7) H. Weigand, Die Aromunen, I. Leipzig, 1895, стр. 92.

8) Шеппингъ, Миѳи славянскаго язычества, стр. 117.

9) Lahovari, Marele Dicţ. Geografic, v. IV, Bucureşti, 1901, sub voce.

10) Cantacusenus, II, 406: Περιστίτζα.

Наконецъ имя Перунъ встрѣчается и какъ названіе цвѣтковаго растенія Iris Germanica — *Перуника* во всѣхъ южно-славянскихъ странахъ [1]). Что славяне любили посвящать богу громнику нѣкоторыхъ изъ цвѣтковыхъ и другихъ растеній [2]), объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія названія у русскихъ: *громъ* (Onosma tinctoria) въ Екатеринославской губерніи, *громовой* корень (Asporagus officinalis), *громдола* (Valeriana officinalis), *громникъ* (Geranium sanguineum) въ Кіевской губерніи, *громовикъ* (Echion vulgare) въ Екатеринославской губерніи и пр. [3]). Вполнѣ подходящій примѣръ находимъ у латышей, у которыхъ полевая горчица именуется прямо Перуновымъ цвѣткомъ, Pehrkones. Русскіе тоже называютъ съ именемъ Перуна нѣкоторыя изъ цвѣтковыхъ растеній [4]).

Посвященіе ириса въ честь Перуна южными славянами находится въ близкой связи съ Дубровницкимъ названіемъ тогоже самого растенія—*богиша* т. е. божій цвѣтокъ. Замѣчательно повѣрье въ окрестностяхъ Кюстендиля и въ г. Пещеры, что непроцвѣтаніе этого растенія (перуники) считается предвѣстникомъ смерти въ той семьѣ, въ саду которой находится это растеніе. Удивительно совпаденіе между южно-славянскимъ повѣрьемъ о растеніи перуника и назначеніи еллинской богини Ирисъ (еще

---

1) Въ болгарской литературѣ существуетъ даже книжка съ фольклористичнымъ матеріаломъ, написанная Ил. Р. Блъсковымъ подъ именемъ «Перуника». Варна, 1884.

2) У французовъ *цвѣтокъ Юпитера* (joubarbe, sainte-barbe) съ гадательнымъ значеніемъ. Если онъ процвѣтетъ, любимый вернется, если нѣтъ — онъ погибнетъ. Этимъ народнымъ преданіемъ воспользовался поэтъ въ своихъ стихахъ:

En dépit de l'orage
La joubarbe a fleuri;
Au retour du voyage
Il sera mon mari, etc.

(Revue des trad. populaires, T. XVIII, стр. 286).

3) Срв. Ботан. словарь Анненкова.

4) В. Мочульскій. О мнимомъ дуализмѣ въ миѳологіи славянъ. Варшава, 1889, стр. 51.

Ἶρις=небесная радуга=растеніе перуника) исполнять приговоръ божествъ рѣзать фатальный волосъ женщинамъ, приговоренныхъ ими на смерть[1]). Близость этого соотношенія заставила насъ невольно подумать, что при ранѣе существовавшемъ у нихъ культѣ громовика и дожденосца, южные славяне вѣроятно восприняли изъ греко-римскихъ миѳическихъ представленій ту связь, которая открывается намъ между названіемъ Перунъ — перуника и именемъ радуги Ирисъ, богини Ирисъ и цвѣтка ирисъ.

Имя *папарїна*, которымъ именуется макъ въ Горной-Орѣховицѣ (Трновскій округъ), не должно никакимъ образомъ связывать съ именемъ Перуна: это имя есть славянизированное латинское имя растенія papaver somniferum.

Распространеніе имени Перуна у русскихъ многими учеными утверждается на единственномъ историческомъ текстѣ въ Несторовой лѣтописи, при переписываніи которой имя это перешло въ книги, а потомъ уже и въ преданія. Подобное объясненіе никоимъ образомъ нельзя примѣнить къ южно-славянскимъ землямъ и нарѣчіямъ, гдѣ о какомъ-то вліяніи литовцевъ или же Несторовой лѣтописи едва ли можно и говорить; большинство же личныхъ, географическихъ и др. подобныхъ названій, начиная съ Истріи до Бѣлаго и Чернаго морей нельзя объяснить другимъ путемъ, какъ тѣмъ, что они являются свидѣтельствами, уцѣлѣвшими доселѣ со временъ языческаго культа Перуна у южныхъ славянъ. Число подобныхъ свидѣтельствъ значительно увеличилось бы, если бы христіанство путемъ разныхъ соборовъ, гоненій, проповѣдей и писаній не уничтожало постепенно

---

1) По А. Губернатису (La Mythologie des plantes II. Paris, 1882, стр. 174) одинъ изъ видовъ этого растенія, Iris odoratissima, въ Греціи садили по кладбищамъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе его имени на память богини Ирисъ, посылаемой сопровождать усопшихъ женщинъ въ ихъ вѣчныя жилища. — Этотъ самый обычай существуетъ и теперь у болгаръ; такъ, въ окрестностяхъ Трнова по кладбищамъ на могилахъ вскорѣ послѣ похоронъ умершихъ тоже садится это растеніе. (По сообщенію Ив. Ив. Момчилова, которому мы обязаны и за другія еще свѣдѣнія).

языческія традиціи, или же не перемѣшало и переименовало ихъ. Перемѣшало и переименовало — потому, что едва ли найдется древне-языческое славянское повѣрье, живущее еще, не носящее на себѣ отпечатокъ христіанской традиціи, каковъ напримѣръ случай съ боготвореніемъ, замѣстника Перуна, св. Ильи.

IV.

Св. Илія и Огненная Марія.

Культъ св. Ильи у южныхъ славянъ по большей части заимствованъ изъ христіанскихъ легендъ. Хотя онъ обнимаетъ до сихъ поръ еще такія страны, какъ Малой Азіи, такъ и Западной Европы, куда вліяніе славянскихъ миѳическихъ представленій никогда не доходило, однако на Балканскомъ полуостровѣ всетаки выдаются черты славянскаго преданія въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ изъ христіанской эпохи. Какъ ново-греческій образъ св. Ильи содержитъ въ себѣ древне-миѳическіе отломки, скрѣпленные между собою въ одно цѣлое цементомъ христіанства, точно такимъ-же образомъ послѣднее передало свою новѣйшую форму дряхлому образу славянской традиціи. Южный славянинъ, при ежедневномъ исполненіи своихъ религіозныхъ отправленій въ родномъ очагѣ или въ полѣ, является въ *дѣйствительности* болѣе язычникомъ, чѣмъ христіаниномъ.

Что дѣйствительно славянскій культъ Перуна не забытъ еще и что онъ могъ отразиться на св. Ильѣ въ христіанскую эпоху, къ этому приводитъ насъ психическій религіозный моментъ, наступившій у грековъ, нѣмцевъ и у нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ, у которыхъ громовержцемъ является уже не Зевсъ, Торъ или др. какое либо божество, а самъ Илья. На высотахъ Егинскихъ горъ въ Елладѣ царилъ культъ Зевса дожденосца. Теперь же это самое мѣсто называется св. Иліемъ (Ἅγιος Ἠλίας)[1]). Греческій ученый Политисъ въ цѣнномъ своемъ трудѣ:

1) Preller, Griechische Mythologie, I⁴. Berlin, 1887, стр. 126.

«Солнце въ народныхъ повѣрьяхъ» (Ὁ Ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους, ἐν Ἀθήναις, 1882) приходитъ къ заключенію, что культъ св. Ильи замѣнилъ у новыхъ грековъ культъ Зевса и Геліоса (солнца) [1]). Въ средніе вѣка громовникъ въ старо-нѣмецкихъ повѣрьяхъ замѣняется св. Ильею, который какъ и Торъ борется съ врагомъ своимъ змѣемъ (тутъ антихристъ) [2]). Очень интересенъ фактъ, что на Кавказѣ у Абхазцевъ Шибле—богъ грома, которому молятся отъ бездождія, и что черкесы отождествляютъ того-же самого Шибле съ Яліемъ (Илія) [3]).

Семитскія и христіанскія легенды о Ильѣ, съ аттрибутами дожденосца и защитника урожая, совсѣмъ перемѣшаны съ славянскими представленіями о Перунѣ, тѣмъ болѣе, что церковь, при имѣющихся на рукахъ нѣсколькихъ типическихъ текстахъ изъ св. Писанія Стараго и Новаго Завѣта, вліяла на вѣрующихъ даже и въ училищахъ. Вотъ главнѣйшія мѣста, способствовавшія обширному распространенію культа св. Ильи. «И Илья Ѳесвіецъ, который былъ изъ Галаадскихъ странъ, сказалъ Ахаву: живъ Господь Богъ Израилевъ, передъ которымъ я предстаю, на этихъ годахъ не будетъ росы, дождя безъ моего слова» [4]). Послѣ этого настали засухи съ голодомъ въ землѣ Ахава, согрѣшившаго передъ Богомъ. Спустя три года Илья является передъ Ахавомъ и наказываетъ пророковъ Ваала. Молитвой Ильи «ниспосланъ былъ Богомъ огонь, поглотившій всесожженіемъ деревьевъ, камней, почву, осушилъ воду, находившуюся въ бороздѣ»...[5]). «А между тѣмъ небо помрачилось отъ тучъ и вѣтровъ, и ниспосланъ былъ обильный дождь»...[6]). «И когда Богъ хотѣлъ возвезти Илью на небеса вихремъ, Илья вмѣстѣ съ Елисѣемъ отправился изъ Галгалы»...[7]). «И, шедши,

1) См. А. Н. Веселовскій, Разысканія и пр., VIII, стр. 294—353.

2) Grimm, Deutsche Mythologie, I[4], стр. 144—145.—Веселовскій, тамъ же, стр. 340—341.

3) Веселовскій, тамъ же, стр. 313.

4) III кн. Цар., 17, 1.

5) III кн. Цар. 18, 38.

6) Тамъ же, 18 45.

7) IV кн. Цар., 2, 1.

они говорили, и вотъ огненная колесница и огненные кони.... и взыде Илія съ вихремъ на небо»[1]). Въ Новомъ Завѣтѣ повторяются воспоминанія о Ильѣ, во времена котораго заключися небо три лѣта и мцъ шесть, ꙗкѡ бысть гладъ великъ по всей земли[2]). «Илія былъ человѣкъ подобострастный намъ; и усердіемъ помолился онъ, чтобы не было дождя, и не было дождя на землѣ три года и шесть мѣсяцевъ; опять же помолившись, дождь былъ ниспосланъ небомъ, а земля произвела свои плоды»[3]). На праздникѣ св. Ильи (Ильинъ день) при богослуженіи исполняется нижеслѣдующій кондакъ, укрѣплявшій въ массѣ повѣрье, что Илья дожденосецъ: Пророче и прокидче великихъ дѣлъ Бога нашегѡ, Иліе великоимениче, вѣщаніемъ твоимъ ꙋставивый водоточныя облаки, моли ѿ насъ єдинаго Человѣколюбца.

Такимъ же точно является Илья и въ народныхъ пѣсняхъ:

И дойде свѣти Иліа,
Си скоа кола огнена,
Си прегна коньи четири,
Четири коньи крилати,
Та си отиде на небо[4])

или

А що бѣше старъ свѣти Иліа!
Помоли се на нашь Христосъ,
Та му даде ключове отъ небеса,
Си заключи мѫгли и облаци.
Три години дожъ не завѫрна,
Три години сѫнце не угреа,
Три години ветеръ не подухналъ,
Не сѣ роди ни вино ни жито[5]).

1) Тамъ же, 2, 11.
2) Лука, 4, 25.
3) Посланіе Якова, 5, 17—18.
4) Миладиновы, Сборникъ, № 25.
5) Тамъ же, № 34.

Можно подумать, что эти стихи ничто иное, какъ пересказъ выше цитированныхъ текстовъ—до такой степени народныя повѣрья сходятся съ семитскими и христіанскими! Даже и глаголъ *заключать* (замыкать) отъ заключи́сѧ нѣбо три лѣта и пр. встрѣчается чаще въ этихъ молитвахъ вмѣсто обыкновеннаго въ данномъ случаѣ глагола *затварямъ* (запирать, затворять).

Замѣчательно однако обстоятельство, что христіанскій и библейскій св. Илья только *дожденосецъ*, тогда какъ въ народныхъ повѣрьяхъ св. Илья является и съ другими представленіями, какъ *громовникъ*. Такъ, при дѣлежѣ небесныхъ и земныхъ стихій св. Ильѣ было дано:

Свет' Илија грома небеснога[1])

или:

А Илија муње и громове[2])

или:

Илиј' даше муње и громове[3])

или:

Свет Илија — сиљни секавици[4])

или:

Дел се па́дна на свети Или́я,
Дел се па́дна гр҃мо́ве, трескове[5]).

или:

Що ся падна на свѣти Иліа?
Паднаха му летни-те облаци
И летни-те гр҃мотявици
. . . . . .

1) Вук, Песме II, стр. 5.
2) Тамъ же II, стр. 3.
3) Вук, Српске народне пјесме изъ Херцеговине. Беч, 1866, стр. 305.
4) Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ, 2-е изд., стр. 95.
5) Илиевъ, Сборникъ, № 266.

Ка си узе самъ свѣти Илія
Мѫгли, облаци, грѫмотевици,
Ги затвори во Черно-то море[1]).

или:

Падна́ му се ле́тни гѫрмоте́ви,
Падна́ му се летни треска́вици,
Да си лети по те́вни о́блаци[2]).

Въ Царибродскомъ уѣздѣ и въ окрестностяхъ Пирота провинившихся иногда проклинаютъ: «Ега те св. Илиа сѫс грамльа́вицу смаже!»[3]). Въ Зайчарѣ празднуютъ и чествуютъ св. Илью «какъ бога громовержца». Еслибъ св. Илья зналъ день своего праздника, опожарилъ бы весь міръ. Сезонъ, наканунѣ его именинъ, изобилуетъ громомъ по небу. Вѣроятно вслѣдствіе этого-то приносятъ ему въ жертву лучшаго изъ пѣтуховъ[4]). Въ Ахы-Челеби (Ѳракія) существуетъ повѣрье, что громъ является отъ усиленной бѣготни коней и колесницы св. Ильи по небу, а молнія вылетаетъ изъ-подъ подковъ коней[5]). Въ окрестностяхъ гор. Трояна (Болгарія) существуетъ повѣрье, что св. Илья въ гнѣвѣ своемъ катаетъ по небу бочки, полныя камнями, вслѣдствіе чего въ воздухѣ гремитъ[6]). Въ Битольскихъ окрестностяхъ вѣрятъ, что громъ происходитъ отъ усиленнаго движенія колесницы св. Ильи въ облакахъ. Молніи же образуются изъ огненной его колесницы, поддерживаемой змѣями[7]), и т. д. Подобное повѣрье у южно-русскихъ болгаръ, Таврической губерніи. «Когда гремитъ громъ, то это означаетъ, что св. Илья разъѣзжаетъ на колесницѣ по небу и преслѣдуетъ діавола, чтобы убить его»[8]). У

1) Миладиновы, Сборникъ, № 53.
2) Сборникъ Министерства, II, стр. 27.
3) Тамъ же, XIII, стр. 332.
4) Дацовъ, Зайчаръ и неговото населеніе. София, 1884, стр. 14.
5) Сборникъ Министерства, XIV, стр. 99.
6) Тамъ же, VI, 93.
7) Тамъ же, XII, 127.
8) Этнографическое Обозрѣніе, XXXIX, стр. 113.

сербовъ тоже распространено это повѣрье, что громъ образуется отъ движенія колесницы св. Ильи[1]). Слѣдовательно, какъ видно изъ этихъ народныхъ повѣрій, главнѣйшіе аттрибуты св. Ильи это—громъ и молнія. Однако, какъ мы замѣтили, подобные аттрибуты не приписываются этому святому въ библейскихъ легендахъ, гдѣ онъ является носителемъ дождя. Этому обстоятельству въ большой мѣрѣ способствовали, съ одной стороны, общеевропейскія и, слѣдовательно, славянскія представленія о громомовержцѣ-дожденосцѣ, а съ другой — апокрифная литература. Въ апокрифахъ, въ самомъ дѣлѣ, не св. Илья, а другіе уже святые являются громовержцами. Въ апокрифической рукописи XVI в. громъ является оружіемъ ангела преслѣдующаго сатану, молнія-же—одежды архангела Наѳанаила[2]). Въ другомъ апокрифѣ сказано: архистратигъ Михаилъ **помолися къ бгу, и бысть громъ и млъніа**[3]). Въ другомъ, противникомъ антихриста являются Илья, Енохъ а Іоаннъ, названный «сыномъ грома» (τὸν υἱὸν τῆς βροντῆς Ἰωάννην)[4]). Въ первоначальной эпохѣ христіанства вмѣстѣ съ апокрифомъ «Малымъ бытіемъ» распространилось повѣрье, что Господь создалъ нѣсколько ангеловъ для разныхъ стихій. Эти повѣрья позже были распространены и у южныхъ славянъ посредствомъ сочиненій Епифанія Кипрскаго и Козьмы Индикоплова. Такъ, тамъ сказано, что созданы были **англи ѡблакоу, . . . англи гласомъ и млнїамъ** (ἄγγελοι νεφελῶν . . ἄγγελοι φωνῶν, βροντῶν)[5]). Даже въ одномъ сборникѣ XVI в. подъ названіемъ «Слово св. Григорія Богослова и Василія Кесарійскаго, І. Златоуста, вопросъ и отвѣтъ», вмѣстѣ съ ангелами грома именуется Перунъ: **Два ангела громнаю еста, и елеоньскыи старець Пероунь есть, а Хоръ есть жидовинъ**[6]). Подобныя по-

1) Вук, Живот и обичаји народа српскога. Беч, 1867, стр. 66.

2) Срв. А. Н. Веселовскій, Разысканія, VIII, стр. 325.

3) Тамъ же, стр. 325.

4) Тамъ же, стр. 336.

5) Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтн. лицахъ и событіяхъ. Спб., 1877, стр. 3, 22, 23.

6) Историческія чтенія о языкѣ и словесности. Спб., 1855, стр. 185.

вѣрья, что небесныя стихіи раздѣлены между ангелами, или что ангелами производится дождь, живутъ еще и теперь у южныхъ славянъ:

Благо делятъ четири ангели,
Благо делятъ више на небеси и пр.[1]).

Нѣсколько дней наканунѣ именинъ св. Ильи, а также и нѣсколько дней послѣ этого дня юго-славянами празднуются отъ грома; такими считаются: *горе́шляци*, 3 дня — 15, 16, 17 іюля; *Огнена Марія* — 17 іюля; *Ильинъ день* — 20 іюля; *Св. Пантелей* — 27 іюля.

Въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ сестра Ильи, *Огненная Марія*, очень часто представляется съ аттрибутами своего брата. При дѣлежѣ неба взяли:

Свѣт' Илија грома небескога,
А Марија муњу и стријелу[3]).

Когда на землѣ настала смута, и люди были грѣшные, св. Марія выпрашиваетъ у своего брата бумагу съ неба о пріостановленіи дождя, чтобы вымерло все живущее[4]).

Приписать аттрибуты грома св. Ильѣ очень много способствовали его культъ въ библіи какъ дожденосца, отрывочныя роли другихъ святыхъ громовниковъ, какъ Михаила, Іоанна, Георгія[5]), и наконецъ то обширное участіе, которое Илья принимаетъ въ борьбѣ противъ антихриста въ сказаніяхъ о кончинѣ міра, сказаніяхъ, находящихся въ близкой связи съ индо-европейскимъ повѣрьемъ о борьбѣ между змѣемъ и громомъ.

---

1) Миладиновы, Сборникъ, № 30. — Срв. Сборникъ Министерства, II, стр. 164.

2) Срв. П. А. Ровинскій, Черногорія, II т. Спб. 1901, стр. 452. — Любеновъ, Баба Ега. Търново 1887, стр. 19. — Шапкаревъ, Сборникъ, VII, стр. 172, 173, 174.

3) Вук, Песме II, стр. 5.

4) Любеновъ, Сборникъ III, стр. 29—30. — Срв. Дацовъ, Зайчаръ и пр., стр. 14.

5) А. Н. Веселовскій, Разысканія, VIII, стр. 328.

Съ языческой эпохи славянства ведетъ свое начало у южныхъ славянъ повѣрье, что громовыя стрѣлы—бѣлыя каменныя угловатыя плиточки, находимыя иногда въ почвѣ, гдѣ ударено было громомъ. Словаки называютъ ихъ Paromova strela, русскіе — Перунъ-камень и громовая стрѣла[1]). Обычай жертвоприношенія св. Ильѣ опять приводитъ къ свидѣтельствамъ Прокопія о жертвоприношеніяхъ, дѣланныхъ въ честь громовника у южныхъ славянъ.

Посвященіе дуба Зевсу Додонскому, Тору германскому, Перкуну у Литовцевъ[2]), Перуну у русскихъ[3]), находится въ тѣсной связи съ южно-славянскимъ почтеніемъ и обычнымъ воздвиженіемъ культа Ильи по возвышеннымъ дубравамъ на холмахъ. Въ житіи преподобнаго Ѳеодосія въ XIV в. упомянуто, что вблизи самого Трнова люди поклонялись дꙋбꙋ нѣкоемꙋ[4]). Вѣроятно, подобными дубами-жертвенниками были и тѣ же деревья во Ѳракіи, о которыхъ упомянуто графомъ Марсильи, дубы, которые доселѣ еще виднѣются по сторонамъ Филиппопольско-Одринской дороги[5]). На Балканскомъ полуостровѣ во многихъ мѣстахъ большинство уединенныхъ холмовъ называется именемъ Ильи (нѣкоторые—Перунъ, Перинъ). У русскихъ идолище Перуна находилось на возвышенномъ холмѣ. Греческій ученый Политисъ связываетъ культъ Геліоса и Зевса громовержца по высотамъ съ культомъ ихъ намѣстника, св. Ильи съ христіанской эпохи[6]). Академикъ Веселовскій находитъ, что связь эта не существуетъ, однако старинный культъ Перуна у

1) Забѣлинъ, Исторія русской жизни, II. Москва, 1879, стр. 511.

2) H. Ûsener, Götternamen, Bonn, 1896, стр. 97.

3) Máchal, Nákres slovanského bájeslovi. Praha, 1891, стр. 22—23. Срв. также свидѣтельство Guagnini, Sarmatiae Europaeae descriptio, 1578, цит. у Leger, Mythol. slave. Paris, 1901, стр. 57—58.

4) Чтенія въ Имп. общ. ист. и древн. рос., Москва, 1860, I, стр. 8а.

5) «Fui curioso di vedere la loro chiesa, che non è che una piazza di terreno ben pulito, che da una parte ha una grand'arbure dovo sono fitti chiodi di legno per appendere le vittimi che sacrificano, dove attualmente erano pesci de bovi et di castrati» (Marsigli, Stato militare del imperio Ottomano, 1732, стр. 24).

6) Πολίτης, Ὁ Ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους, Ἐν Ἀθήναις 1882. Срв. А. Н. Веселовскій, Разысканія VIII, стр. 294 и слѣд.

южныхъ славянъ, какъ и теперешній культъ св. Ильи на южнославянскихъ холмахъ и въ дубравахъ, по крайней мѣрѣ подтверждается и стоитъ въ извѣстной связи со вторымъ пунктомъ изъ взглядовъ Политиса. Такъ, вблизи Пещеры, какъ мы упомянули, возвышается холмъ Перинъ. Вблизи села Варвары, въ окрестностяхъ Татаръ-Пазарджика, на холмикѣ, поросшемъ дубами, теперь возвышается маленькая церковь, посвященная имени Ильинной сестры — Огненной Маріи [1]). Въ Родопахъ, одинъ изъ холмовъ, тоже поросшій дубами, гдѣ находится маленькая церковь, и теперь еще называется Ильинымъ верхомъ [2]). Поселяне с. Ярлова, въ окрестностяхъ Филиппополя, убиваютъ свою жертву въ честь Ильина дня на одномъ изъ холмовъ, поросшемъ дубами [3]). У Созополя, на Черномъ морѣ, параклисъ св. Ильи возвышается на конусовидномъ холмѣ, а ближе къ нему находится церковь св. Марины, которой поселяне молятся во время праздниковъ «Горѐшляци», чтобы не обгарали ихъ посѣвы [4]). Въ одномъ сербскомъ памятникѣ встрѣчаемъ . . . . **грмочелу біеше мѣа Илинно брьдо** [5]).

V.

Громъ и змѣй. — Книга Громникъ.

Независимо отъ имени св. Ильи, въ южно-славянскихъ повѣрьяхъ обширно распространено зооморфическое представленіе о громѣ какъ борьбѣ между *змѣемъ* и *халой* [6]), или же между громомъ и халой.

---

1) Захаріевъ, Описаніе и пр., стр. 56—57.

2) Сборникъ Министерства, VIII, стр. 61.

3) Slovanský Sborník, V, стр. 77 и слѣд.

4) Срв. Шапкаревъ, Сборникъ VII, стр. 172.

5) Miklosich, Monumenta Serbica, стр. 93.

6) Хала̀, какъ и употребляемое въ восточной Болгаріи въ этомъ значеніи *лама*, греческаго происхожденія. По ново-гречески χαλάδι—градъ, λαμία (отъ кор. λάμος, пропасть, глубина) — миѳологическое чудовище. По болгарски хала̀ означаетъ буранъ—вѣтеръ съ дождемъ и градомъ. Въ переносномъ же смыслѣ

Въ окрестностяхъ Кюстендиля существуетъ слѣдующее повѣрье. Змѣй — охранитель урожая, а хала — его похититель. Змѣй, гонясь за халой, наноситъ ей удары; она же съ своей стороны укрывается между деревьями или гдѣ нибудь. Змѣй влюбляется въ женщинъ и вступаетъ въ брачныя связи; дѣти же ихъ раждаются змѣенышами: малютка-змѣенышъ съ маленькими крылышками подъ плечами. Женщины, замѣтивъ эту примѣту у новорожденнаго малютки, собираются вмѣстѣ, чтобы непремѣнно въ одну только ночь выткать полотна, скроить и сшить рубашку для этого малютки. Въ противномъ же случаѣ малютка не выростаетъ змѣемъ и, слѣдовательно, село лишается, теряетъ покровителя, защитника посѣвовъ отъ похищенія халы. Человѣкъ-змѣй является обыкновенно человѣкомъ какъ и всѣ люди, но всегда засыпаетъ при наступленіи бури: душа его отправляется сражаться съ халой. Въ такомъ случаѣ не позволяется будить его или же трогать для того, чтобы душа его по возвращеніи своемъ нашла его тѣло въ прежнемъ его положеніи, чтобы опять войти въ него; въ противномъ случаѣ змѣй умираетъ [1]).

Въ окрестностяхъ Битоли существуетъ повѣрье, что змѣи рождаются какими-то чудовищами съ хвостомъ и, когда окрылятся, удаляются отъ земли. Съ небесныхъ высотъ громъ застрѣливаетъ *колдунью* [2]). Въ Черногоріи вѣрятъ, что громъ гонится за колдуньею или сатаной, нанести имъ удары [3]). Кромѣ того, у болгаръ существуетъ повѣрье, что *смокъ* любитъ сосать у коровъ или даже у женщинъ молоко. Точно такимъ-же является и русское преданіе, что змѣи любятъ пить и сосать молоко [4]). Интересно въ данномъ случаѣ повѣрье у русскихъ, что на *Перин-*

халóй называютъ безразсуднаго. Сложное слово *аламуня* (хала — молнія) встрѣчается и въ заклинаніяхъ: «Да те удари аламýн'ата!», «Скъцала го е аламýньата и него» (Любеновъ, Сборникъ, III, стр. 16).

1) Срв. еще Сборникъ Министерства, VII, стр. 375.

2) Тамъ же, XII, стр. 127.

3) Ровинскій, Черногорія, II, стр. 452.

4) Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, II, стр. 558.

скомъ скитѣ въ Новгородѣ жилъ *змѣй Перюнъ*, который проводилъ ночи у Волховской пастушки[1]) (очевидно зооморфизмъ водныхъ стихій Ильмена съ Волховомъ). Здѣсь опять является соотношеніе атмосфернаго божества (дожденосца или громовника), змѣя и Перуна (Перюна), съ котораго мы начали. Повѣрья эти не библейскія, а являются первобытными славянскими, отчасти же и общечеловѣческими[2]). Громовникъ Индра въ Ригъ-Ведѣ поражаетъ молніею змѣя Ахи; громовержецъ Торъ сражается съ зміей Мидгардъ, нанося удары своимъ «*міолнеромъ*» (молнія)[3]). О повѣріи, что громъ преслѣдуетъ *дракона*, упоминается Іоанномъ Дамаскинымъ въ VIII в.: ὑπὸ βροντῆς διώκεται ὁ δράκων[4]).

Въ близкой связи съ нынѣшнимъ культомъ громовержца у южныхъ славянъ можно поставить и *астрологическія* повѣрья о громѣ. Что знахарство не было чуждо древнимъ южнымъ славянамъ, о томъ свидѣтельствуетъ Прокопій[5]). Однако уцѣлѣвшіе памятники изъ старо-болгарской и сербской астрологической литературы свидѣтельствуютъ несомнѣнно о своемъ византійскомъ происхожденіи. Академикъ В. Ягичъ[6]) и изслѣдователь апокрифовъ В. Н. Перетцъ[7]) заключаютъ, что славянскіе «громники» перешли къ славянамъ отъ византійцевъ. Это положеніе становится очевиднымъ даже только изъ сличенія текстовъ[8]). Интересна въ случаѣ слѣдующая замѣтка: **Гро́мов'никь оу҆гатаніа҆ и҆мѹще. ѿ ѕвѣѕ̑очьтїи и҆звѣдени ѿ раклїа҆ ц҃ра**[9]), т. е. что книга извлеченіе изъ астрологіи византійскаго царя Ирак-

1) Тамъ же, стр. 559.
2) Срв. Веселовскій, Разысканія, VIII, стр. 321.
3) Andersen, Mythologie scandinave. Paris, 1886, стр. 173 и слѣд.
4) Πολίτης, Δημώδεις μετεωρ. μύθοι, Ἐν Ἀθήναις, 1880, стр. 5.
5) De bello Gothico, III, 14.
6) Starine, X, стр. 119—123.
7) Извѣстія Имп. Ак. Н. по О. Р. Я. и С., т. VI, кн. 4, стр. 127—8.
8) Срв. Starine, X, 123.
9) Тихонравовъ, Памятники отреч. русской литер., II, стр. 361.

лія[1]). Часто употребляемыя слова въ «громникахъ» какъ 'єгіпетъ, аравитянинъ[2]) и т. п. свидѣтельствуютъ о болѣе старинномъ восточномъ происхожденіи даже византійской знахарской литературы. Такъ въ одномъ апокрифическомъ сказаніи указано, что греки научились астрологіи у основателя ея Немврода, который **созда Вавїлонъ градъ, и напрьвѣе показа ловы дѣати. и влъшвенія. и прьсомъ бы. старѣи. научивъ ѿ звѣздозакоѡнію. и звѣздословію. и нбнымъ двизаніемъ Ѳражающимсѧ. ꙗкѡ и что имъ хощетъ быти**[3]).

Южно-славянскія гадательныя преданія, будучи языческими, не вошли въ христіанскую славянскую литературу. Они или остались въ забвеніи, или же смѣшались съ преданіями апокрифной литературы такъ, что теперь едва ли можно различить одни отъ другихъ. Извѣстно только то, что апокрифныя преданія взяли верхъ: они теперь составляютъ значительную часть простонародныхъ повѣрій. Такъ, общераспространенныя повѣрья у южныхъ славянъ о небесныхъ знаменіяхъ и связь ихъ съ земной жизнію точно также находимъ въ старинныхъ «громовникахъ»[4]). Въ одномъ «громовникѣ» о Апрѣлѣ мѣсяцѣ написано: **Апрїи чи ю҆н҆че. Аще въ число ю҆н҆че погрьмить. п҆шеница по мѣсто гибель. радо же въ цр҃твꙋющи ѿ двора. и вл҃ть. и҆ на въстоце метежъ и҆ се дрꙋ**[5]). Подобныя же повѣрья и теперь существуютъ у болгаръ: «Если громъ грянетъ въ январѣ, это не хорошо — урожай будетъ ничтожный; если же первый громъ будетъ въ мартѣ — урожай будетъ обильный»[6]). Всеобще южнославянское повѣрье, что если грянетъ на самый день св. Ильи — орѣхи и орѣшки будутъ полыми.

---

1) Срв. мнѣніе В. Н. Перетца въ Извѣстіяхъ, т. VI, кн. 3, стр. 40—41.

2) Тихонравовъ, стр. 363, 370.

3) Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія. Спб., 1877, стр. 249.

4) Вліяніе «громовниковъ» сохраняется и теперь. Е. Карановъ говоритъ, что видѣлъ книжечку съ именемъ «Грьмовниче» въ библіотекѣ священника Нишки (Сборникъ Министерства, IV, 305).

5) Тихонравовъ, II, стр. 363.

6) С. Вацовъ, Народна метеорология. София, 1900, стр. 5.

Однако нужно замѣтить, что астрологическія простонародныя предсказанія у югославянъ относятся почти исключительно къ урожаю, засухѣ, морозу, градобитію или дождю. Здѣсь есть что-то славянское. Въ греческихъ предсказаніяхъ замѣтны элементы, касающіеся человѣка и его жизни.

Заключеніе.

1. Разныя отрицанія и сомнѣнія о культѣ Перуна и его имени у южныхъ славянъ произошли вслѣдствіе неизвѣстности существующихъ доселѣ свидѣтельствъ у южныхъ славянъ о томъ.

2. Этимологія имени Перуна и теперь ясна для южнославянскихъ языковъ, особенно для болгарскаго.

3. Свидѣтельство Прокопія о культѣ громовника у южныхъ славянъ неоспоримо.

4. Первенство, отдаваемое *громовнику* у южныхъ славянъ и *Перуну* у русскихъ, наводитъ на мысль, безъ какихъ-либо постороннихъ доказательствъ, что Перунъ у русскихъ былъ настоящимъ громовникомъ, и у южныхъ славянъ, вѣроятно, громовникъ назывался тоже Перуномъ.

5. Категорично свидѣтельство отца Спиридона; свидѣтельство замѣны имени Зевса именемъ Перуна въ извѣстной Александріи, памятникѣ южно-славянскаго происхожденія; свидѣтельство изъ рукописи «Сокровище дѣтемъ», а также и свидѣтельство Априлова.

6. Обширное употребленіе личныхъ, крестныхъ именъ: Перунъ, Перуна, Перунка, Перуница, Перуника, Парунъ, Паруна, какъ и фамильное Перуничичъ, встрѣчающихся до сихъ поръ у южныхъ славянъ, нельзя объяснить простымъ заимствованіемъ, а только тѣмъ, что они являются остатками отъ языческой эпохи.

7. Точно такими же являются топографическія названія: Перуня весь, Перуни врхъ въ Хорутаніи, Перунъ — вершина въ Истрійскомъ полуостровѣ, Перунъ въ Боснѣ, Перунъ-Дубрава

въ Хорватіи, Перуновацъ, Перуника, Перинатица въ Сербіи, Перинъ върхъ въ Болгаріи, мѣсто Перинъ, Перинъ-планина и село Перинъ въ Македоніи, Перинъ-градъ въ Герцеговинѣ.

8. Латышское названіе цвѣтковаго растенія *Pehrkones*, посвященное Перуну, наводитъ на мысль, что южно-славянское *перуника* есть дѣйствительно цвѣтокъ Перуна, тѣмъ болѣе, что тоже самое растеніе у Дубровничанъ называется Божьимъ цвѣткомъ — *богиша*.

9. Какъ у многихъ народовъ отъ христіанской эпохи языческое имя громовника замѣнено именемъ св. Ильи, точно такимъ же образомъ подъ этимъ именемъ у южныхъ славянъ должно признать нѣкоторые славянскіе элементы: жертвоприношеніе быковъ, культъ по высотамъ въ дубравахъ, культъ громовержца и т. д.

10. Повѣрье о громовныхъ стрѣлахъ и камняхъ («божи ка̀мъне») съ повѣрьемъ о существованіи борьбы между громомъ (св. Ильи) и змѣемъ, или же между змѣемъ и халой, являются настолько же славянскими, насколько индо-европейскими.

11. Въ апокрифахъ Громникъ, Молніяникъ ничего славянскаго нѣтъ.

Гор. Софія,
іюль 1903.

BL 935 .P4 I8
Kult Peruna u iuzhnykh slavian
Stanford University Libraries
3 6105 041 213 740

DATE DUE

CECIL H. GREE
STANFORD UNIVER
STANFORD, CALIFOR
(650) 723-
grncirc@sulmail.s
All books are subj

DATE D

JUL 22 2003
JUN 30 2003